

В МОСКОВСКОМ кукольном театре была суббота, как и всюду. Актеры ждали третьего звонка на спектакль «Ты — для меня» Г. Сапгича и Г. Цыферова (постановка А. Гамсахурдия, режиссер В. Шулаев, художник М. Артемьев, композитор Е. Птичкин).

Актеры без грима, в униформе (оранжевые рубашки, синие брюки) говорили меж собой о своем. Не о спектакле. Кто ж говорит о спектакле перед последним звонком!

А сюжет «Ты — для меня» очень прост. Эгоист Поросянок считает, что все в лесу делается только для него. И друзья существуют затем, чтобы ему было весело. Этим он их огорчает, они плачут. Но не так все страшно, как думают дети. Конеч-то у сказки хороший. Добрый конец.

От старшей этой группы (у каждой группы — свой спектакль, у каждого старшего — своя группа), Людмила Кузнецовой, я узнал, что сегодня Поросянок — Светлана Балашова, Слон — Саша Романов, Любимытня белочка — Тая Горбачева, Дятел — Виктор Пронин. Интересный кролик — Тая Иванова. И что трое из актеров — стажеры: Горбачева, Романов и Пронин. Они учатся на третьем курсе в студии при Московском театре кукол. И что Людмила Кузнецова первая играла Поросянку. И однажды Поросянок, прыгая от радости над ширмой, упал на сцену... Дети зажолчали — думают, как же он встанет? Но тут из-за кулис вышел Пронин — Дятел, поднял Поросянку и сказал: «Ах, ты такой-сякой!» Актриса похрюкала за занавесом и сказала: «Я совсем не ушибся». Дети были счастливы.

А теперь какая работа у Кузнецовой? Она и помощник режиссера, и за вводы актеров отвечает, и репетирует с группой, и шипки собирает, которые на нее валятся, раз она старшая.

Она говорит:
— У нас особая работа. Если создал образ, нужно, чтобы его передала кукла. И физическая нагрузка большая: глазки у кукол должны открываться, ручки-ножки двигаться. А некоторые куклы весят, как хороший поросенок — килограммов двадцать. Подержи их на вытянутых руках часа два!

Но вот последний звонок, и занавес уходит к потолку. Я сижу в оркестровой яме. Надо мной на деревянных шестах — деревянная декорация: домик Поросянки, кусты, бугры...

Дятел: Ну скажите, разве это мое дело — радио чинить?

Они оба в очках — и актер, и его герой. Я разглядываю остальных и в них тоже замечаю некоторое внешнее сходство с героями. Вспомниваю почему-то собак, обязательно похожих на своих хозяев. Или наоборот?

Белочка: Дяденька Дятел, а Поросянок уже ушел.

Актеры играют сами с собой, ходят бесшумно по своей сцене-трансее, улыбаются, огорчаются, хмурятся — но никто их не видит.

И никто не знает, что, если танцует над ширмой Поросянок, то вместе с ним танцует Светлана Балашова. И никто не видит, как трогательно Кролику — Тая все лезет челка на глаза, а она ее сдвигает. И никто не слышит, как Тая бежит вместе с Кроликом, спотыкается о «дерево» и говорит от боли: «Ой!».

И прекрасно, и слава богу, что никто не видит и не слышит, что происходит за сказкой.

Актеры, не занятые в действии в этот момент, сидят здесь же, за кулисами, в углу — Дяденька Дятел, Белочка. У них перекурчик.

Но вот Слон щепчет Дятлу:

— Витя, сделай мне грелку.

А сам бежит «к большой реке за водой». Дятел — Витя привинчивает к грелке шланг, и Слон поливает цветы, кусты и первый ряд зрителей — для большей достоверности.

Актеры то и дело превращаются в мебельщиков-реквизитеров — друг другу поддают корзинки, шляпы, мишуру; в рабочих сцены — сами меняют декорации. Должно быть, униформу оправдывают.

После антракта над ямой-сценой установили «страшный», «дремучий» фанерный лес.

Саша Романов положил Слона на бок (тот усталое закрыл глаза), взял микрофон и, прикрывая его ладонью у лица (как прикуривают на ветру), начал вещать за «старое доброе дерево»:

— Что тебе нужно, мой добрый доктор?

Тая Иванова, не занятая в этой сцене, сидела в сторонке со своим Кроликом, учила его смеяться и шевелить ушами.

Потом сказке пришел счастливый конец.

— Что за шум? — спросили звери.

— Празднику дружбу! — сказала Поросянок и посмотрела на Слона переводоспитанным взглядом.

ЛЮДИ НЕ В ФОКУСЕ

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!»

Нет, сказке пришел все-таки печальный конец: актеры вышли на поклон и вынесли героев. Дети стояли с открытыми ртами. Некоторые чуть не плакали: они считали зверей живыми.

Потом сказке опять пришел счастливый конец. Звери начали раскланиваться: живой Поросянок, живой Слон, живой Кролик...

В кабинете главного режиссера сказка завершилась окончательно. Настала минута серьезных вопросов.

— Скажите, наверное, актерам-кукольникам бывает обидно, что их не видят и часто не знают зрители? Это чем-нибудь компенсируется?

— Да, — ответил А. А. Гамсахурдия. — Когда анимодрируют кукле, — аплодируют актеру. Еще частично компенсируется выходом на поклон. Чем еще? Тем, что актеры просто любят это делать — работать с куклой...

— В чем достоинства и недостатки детской аудитории? — спросил я.

— Недостатков не замечал, — ответил А. А. Гамсахурдия. — А достоинство в том, что детей не подкупишь.

— Что самое главное в театре?

— Тишина в зале. Очень трудно успокоить бабушек и мам. Как начнут они объяснять в один голос: «Деточка! Это слон, это волк»... Зачем? Те же все сами понимают. Особенно нам тяжело с родителями на субботных и воскресных спектаклях. А в будни дети приходят с учителями. Педагоги, правда, не комментируют: «Это слон!» зато говорят: «Тише!» когда ребята смеются. Зачем?

Я тихо прикрыл за собой дверь с табличкой: «Посторонним вход воспрещен».

А. ШУМСКИЙ.